

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XV

~“Получить

« Вставай, немедленнее!» — воскликнула прачка, наклонившись над Лазарем и ткнув пальцем ему в бок. «Вставай, говорю я, господин Лазарь!» Лазарь очнулся от хрипа , схватившись за живот и неосознанно схватив ее за руку. Она высвободила руку и отругала его: «Посмотри на себя — испачкал свою новую рубашку еще до аудиенции у моего господина!»

Лазарь выпрямился и посмотрел на свой живот, испачканный вином. Тотчас же он схватился за голову, поморщился и упал обратно на кровать. «Боже мой, всё движется по кругу». «Нет, вы этого не сделаете!» — рявкнула прачка. — «Отдайте мне эту рубашку! Ваш лорд скоро подойдет. А теперь вставайте оттуда!»

Лазарь застонал и, с трудом поднявшись на ноги, тяжело прислонился к стене. Он настороженно огляделся, словно желая заново оценить обстановку. Затем он потер глаза и пощипал переносицу, прокомментировав про себя, что брат Одино никогда не говорил ему о порочной стороне вина.

«Разве в злодеянии есть что-то хорошее?» — пожаловалась женщина, оттаскивая Лазаря от стены и хватая его за рубашку за руку, направляя к столу. — «Летающие вы или нет, вы все одинаковы — до единого». Она резко развернула его и остановила.

место. «Мужчины: очистите их, напоите их и снова очистите их», — проворчала она, расстегивая его блузку. Лазарь снова вздрогнул и схватился за голову, когда она оттолкнула его руку. «Успокойся; времени мало».

Он вздохнул и отвернулся, чтобы осмотреть пустую столешницу, единственный свежий подсвечник и преобразившуюся комнату; он заметил, что вокруг него не осталось ни следа еды, ни беспорядка, ни пролитой жидкости. Он посмотрел в угол. «Где крыса?»

«Крыса; какая крыса?»

«Оно лежало прямо там, в углу комнаты», — сказал он, указывая пальцем.

«Ты всё ещё пьяна», — фыркнула она и покачала головой.

«А что насчет еды?»

«Ее забрали сегодня утром, пока ты храпел», — заявила она, вытаскивая его руку из-под рубашки. — «И ты уронил половину еды господина на пол. Тебе должно быть стыдно за такое поведение после того радушного приема, который он тебе оказал». «Дело было в вине. Я не мог этого вынести. Я не знал, что...»

Она прервала его, начав проповедовать: «Я уже много раз слышала подобную чушь — это вина вина, но не твоего». Она сняла с него блузку, расстегнула её и повернула рубашку под разными углами, чтобы осмотреть её посиневшую поверхность.

Лазарь поправил крылья и почесал голову. «Вы говорите, лорд Д'Альсикур, что он пришёл?»

— И совершенно сразу же, — рявкнула она, поворачиваясь и отступая от него. — Так должно было случиться.

Однако, узнав о вашем низком положении, он дал вам достаточно времени, чтобы прийти в себя — и так уже большую часть дня». Она нахмурилась, сложила рубашку на руке и крикнула ему вслед: «Нечасто гость заставляет его так долго ждать. Вы могли бы смириться перед ним и возложить на вино меньше вины, чем, по вашему мнению, оно заслуживает». Прачка постучала в дверь и выскользнула наружу.

Когда Лазарь обошел стол и сел на скамью, дверь снова открылась. В комнату вошли трое крупных стражников и выстроились у стены. После чего в дверь ворвался темноволосый молодой человек с тонкой бородой и резко остановился, его светло-зеленые глаза тут же остановились на Лазаре. Его лицо могло бы показаться Он был почти мальчишеским, что резко контрастировало с его внешним видом: высокий, хорошо сложенный, он производил впечатление закаленного солдата. Он расстегнул плащ и накинул его на руку гвардейца. Затем поправил двубортный жилет, улыбнулся и медленно подошел к Лазарусу. «Лазарус Гогу, я так понимаю?» Он кивнул. «Я лорд Серис д'Альсикур, граф де Лангене, и старейшина этих земель». Он обошел стол напротив Лазаруса. «Я ждал этого момента с вами». Он сжал...

Он, с явным удовольствием разглядывая обнаженный торс Лазаря, заявил: «Наконец-то мы встретились».

Лазарь благоговейно ответил глубоким и долгим поклоном: «Мой лорд, эта честь принадлежит мне».

«Вставайте, пожалуйста, нет необходимости», — радостно настаивал он.

Лазарь поднялся и увидел приближающегося к нему вельможу. Он услышал звон монет под одеждой мужчины. И он увидел, как его жилет на мгновение распахнулся, обнажив рукоять кинжала в ножнах.

Д'Альсикур вздохнул и покачал головой, добавив: «Я должен принести свои глубочайшие извинения за жестокое обращение, которому вы подвергались, находясь под моей опекой. Я отдал строгие приказы, согласно которым... «Вам ничего не угрожает. Мои люди были храбры — некоторые из них погибли, защищая вас. Если бы я предвидел такое буйное скопление людей, я бы отправил гораздо больше людей».

Лазарь опустил взгляд.

Д'Альсикур глубоко вздохнул, похлопал по столешнице и улыбнулся. «И все же вы здесь, слава Богу. И теперь, когда вы в безопасности, я могу заверить вас, что мои армии и божественная власть Святого Престола, особенно этой провинции, к вашим услугам, если вам это потребуется». Он кивнул. «Так что, я надеюсь, вам все понравилось, да — ваша одежда, банкет — и вино?»

«В самом деле, — настаивал Лазарь, — я никогда не видел столько еды на таком великолепном столе — и таких изысканных нарядов. Простите, что пролил вино, милорд; я потерял равновесие. Это было совершенно неожиданно».

Лорд отпустил его, махнув рукой, и заверил: «Вполне ожидаемо, учитывая все, что вы пережили в последнее время. Блузка была слишком яркой, чтобы скрыть пятно». Он щелкнул пальцами. «Ах! Будьте уверены, моя служанка прямо сейчас принесет другую. Нужен гораздо более темный оттенок — глубокий, как сумерки». Он вздохнул и улыбнулся. «А поскольку вы сейчас между блузками и частично обнажены, может быть, вы покажете мне самые прекрасные части своего тела — особенно ваши крылья, если хотите?» Он жестом предложил ему повернуться. «Расправьте их для меня».

Лазарус послушался, на мгновение расправив перед собой все свои крылья, а затем обернулся и увидел суровые взгляды солдат и зеленоватый блеск в глазах Д'Альсикура. Тот хлопнул в ладоши и приложил переплетенные пальцы к подбородку. «Совершенно поразительно; какие у тебя великолепные крылья, Лазарус. Ты поистине чудесен». Он жестом указал на скамейки за столом и сам подошел к ним. «А теперь, пожалуйста, садитесь».

Когда Лазарь сел за стол, мужчина наклонился к нему, широко открыл рот и лишь произнес: «Ах».

Лазарус подчинился грубому жесту, широко открыв рот для Д'Альсикура.

Лорд усмехнулся и хлопнул рукой по столу. «И какие у тебя большие зубы; поистине, чудесные!» Он схватил его за мочку уха, наклонился и посмотрел на ухо Лазаря .

«И, должно быть, у тебя очень острый слух, не так ли?»

«Да, милорд», — признал Лазарус, чувствуя себя несколько смущенным проявленным интересом к Его не слишком мужественные черты лица. Он откашлялся. «Если вам угодно, может быть, вы расскажете причину, по которой вызвали меня?»

«И я так и сделаю», — заявил Д'Альсикур, смягчив свою радость . «Я вызвал вас в надежде, что вы поможете мне с одной задачей — делом, которое вполне по силам такому одарённому человеку, как вы».

«Что это за задача?»

Дворянин глубоко вздохнул и, недолго раздумывая, посмотрел на столешницу, прежде чем постучать пальцем по ней. «Возможно, мне следует начать с самого начала, да?»

«Если вы не против поделиться», — ответил Лазарус с улыбкой и кивком.

«Хорошо, значит. Мой старший брат был лордом Гилдардом д'Альсикуром, бывшим графом де Лангене. Его замок находится во многих лигах к западу отсюда; однако он скончался много лет назад. Вскоре после этого умерла его жена, во время родов, не оставив способного наследника — выжил только младенец. Гилдард предвидел эту возможность, среди прочих несчастий, заранее подготовив окончательный план».

Завещание, законное и обязательное для исполнения, должно было регулировать именно такой случай. В нём он постановил следующее: если у него родится ребёнок, неспособный управлять его имуществом, то я должен взять на себя управление до тех пор, пока ребёнок не станет дееспособным. Более того, он записал следующее: если ребёнок — девочка, то я должен довести её до совершеннолетия и выдать её замуж за подходящего сановника, прежде чем передать его имущество им обоим. Как это установлено присяжным и зарегистрированным судебным приказом и законом, я обязан исполнить его постановление, после чего, после моей смерти, девочка должна унаследовать всё его имущество — независимо от того, замужем она или нет. Девочка — моя племянница, Эндора д'Альсикур, и она едва достигла возраста, когда может отличить страсть от разума, или добро от зла. Так уж случилось, что с тех пор она впала в мою немилость и превратилась в распутную и алчную ведьму, абсурдно требуя, чтобы все бывшие земли моего отца были ей переданы — и Гильдара, и мои. В своих коварных планах она вышла замуж за лорда Фредерика Югона, графа де Борбонез — даже свинья была бы лучшим женихом, чем Югон, Пьяный Мясник . Тем не менее, она убедила Югона. Он подал петицию в Королевский суд, даже когда начал кампанию набегов, истребляя мой народ, когда тот обрабатывал поля на землях Гилдарда. В результате Королевский магистрат вызвал архиепископа для переговоров. Церковь потребовала от него соблюдения перемирия до разрешения вопроса. Однако с тех пор Югон нарушил перемирие. и осадили замок Гилдарда, не щадя ни одной жизни — даже жизнью детей — даже

«Дети ! » — воскликнул Д'Альсикур, ударив кулаком по столу.

Лазаря вздрогнул.

Д'Альсикур ослабил кулак и потер глаза двумя пальцами. «Простите за мое возмущение». Он глубоко вздохнул и продолжил рассказывать о своей жене и родственнице: «Леди Д'Альсикур». А её трое младших братьев находились в замке Гильдарда, когда Хьюгон осадил его. Его люди убили их и сожгли их останки вместе с телами моих солдат и крестьян. Теперь я должен поверить, что Эндора прислала свои соболезнования и заверила меня, что их не было. В замке, когда Хьюгон нанес удар. Однако леди Д'Альсикур и ее братья уже две недели числятся пропавшими без вести.

Д'Альсикур резко поднялся из-за стола и шагнул к стене, затем скрестил руки и прислонился спиной к камням. Он кивнул Лазарусу. «А недавно я получил известие о совершенно иных отношениях между Эндорой и Югоном. Мой информатор сообщил мне, что Югон держит Эндору в плену, отдельно от себя, пока сам спит в постели Гильдарда. Из этого я могу сделать вывод только о том, что он щадит ее жизнь лишь потому, что я еще жив. А когда я умру — а затем умрет и она — он будет протестовать против моего последнего указа и получит в полное владение всю провинцию моего отца . Я знаю его план. Он уже хвастался своим людям, что нападет на мой замок, не оставив никого в живых, кто мог бы рассказать об этом».

«Пьяный Мясник поднимает против меня армию прямо сейчас».

Д'Альсикур подошел к столу и сел, пристально глядя на Лазаря. «Здесь ты можешь оказать мне огромную услугу. Сотни жизней — мужчин, женщин и детей — находятся на твоих крыльях, Лазарь. Как христианский летчик, я ожидаю, что ты выполнишь свой долг , служа тому, что справедливо и праведно во имя святого Божьего ».

Лазарус заерзал и приготовился к худшему. Он тяжело сглотнул и кивнул.

Д'Альсикур обратился к своим стражникам: «Вспомните свою клятву — клятву хранить тайну; ничего не говорить об этом моменте». Стражники кивнули, и Д'Альсикур повернулся к Лазарусу. Он наклонился над столом и провел пальцем по его поверхности, словно обводя невидимую карту. «После наступления ночи вам нужно лететь в замок Гильдарда и войти через среднее окно южной башни, которое выходит на извилистую лестницу, ведущую в верхний коридор. Коридор ведет прямо в главные покои замка ». Слева — покои Югона ; справа — покои Эндоры. Поскольку Эндора является пленницей Югона , ее дверь заперта снаружи; и стражникам вход в коридор запрещен.

Лазарь отстранился, покачал головой и тяжело вздохнул.

Д'Альсикур махнул рукой, успокаивая всех: «Нет, нет, не беспокойтесь! Послушайте меня: никто вас не обнаружит ! Хьюгон расставляет свою внутреннюю охрану только у подножия лестницы, и они не...»

Ожидайте входа через верхнее окно. Более того, вы влетите с тыльной стороны замка, расположенного на крутом обрыве, и вам не потребуется охрана. Его армия охраняет переднюю и боковые части замка; их взоры будут прикрывать территорию, а не небо. Вы можете влетать и вылетать, не привлекая к себе внимания и не получая никаких известий о себе». Д'Альсикур отодвинулся от стола, протянул Лазарю открытые руки и улыбнулся. «Видите? Это слишком простая задача для человека, который может летать полвечера без отдыха. Господь поистине благословил мой народ вашим неожиданным присутствием, Лазарь. За вас они будут вечно благодарны».

«Ваше Величество, — прокашлялся Лазарус, — возможно, вы ошибаетесь в моих способностях. Я могу летать полвечера без отдыха; однако я не могу нести другого человека в полете — это выше моих возможностей».

«Я не жду, что вы будете кого-либо нести куда-либо». Д'Альсикур вытащил кинжал из ножен и воткнул его в столешницу. «Это слишком тяжелая ноша?»

Лазарус прищурился, глядя на клинок с черной рукоятью. «Значит, вы не просите меня спасти Эндору, я так понимаю?»

Он поднял глаза и увидел, как Д'Альсикур качает головой и говорит: «Она не твоя, Лазарь. Только благодать Господа Всемогущего может это сделать». Он наклонился и постучал пальцем по рукоятке стоящего ножа. «Это всё, что тебе нужно взять с собой — он лёгкий, как пёрышко, и острый, как глаз сокола. Возьми».

«Милорд, мне это не нужно», — возразил Лазарус.

«Нет; одной лишь силой полагаться нельзя. Хьюгон — крупный мужчина. Теперь ты возьмешь ее с собой, ничего не оставляя на волю случая». Д'Альсикур указал пальцем на Лазаруса и подмигнул.

«Он большой, но не волнуйтесь. Как и каждый вечер, он будет пьян и спит один. Он не проснётся от тихих шагов. Поэтому действуйте быстро и аккуратно; и убедитесь, что он больше не дышит. Оставьте кинжал у него, чтобы его люди нашли его убитым моим собственным клинком. Затем вы должны покинуть то же окно башни и бежать обратно ко мне.

«Буду ждать вашего благополучного возвращения».

Лазарь покачал головой. «Однако, милорд, я видел ваше войско за пределами замка. Оно было велико». Как лорд Хьюгон сможет одолеть такое количество противников, если вы выставили их для защиты своего замка? Возможно, если вы так поступите, то кровь не прольётся.

Д'Альсикур покачал головой. «У ворот собралась не моя армия, а неуправляемая и нежеланная толпа. Когда весть об этом распространилась по всей провинции, они пришли за тобой. По правде говоря, мои верные ряды значительно сократились, и по большей части они остаются в замке. И в отличие от меня, Югон командует значительной армией — возможно, даже большей, чем та толпа, которую ты видел. В целом, у меня мало защиты, если он нанесет удар». **Деревня, расположенная за замком, падет первой. Как обычно, он пощадит ее.**

«Ни одной жизни».

Лазарь оглядел столешницу, обдумывая варианты. «Тогда, может быть, ты сможешь увести своих крестьян и солдат подальше от опасности — как это сделал Моисей со своим народом; и не будет пролита кровь ...»

«Нет, Лазарь, — вмешался он, — я не Моисей, и это не далёкая земля древности. Я вассал и слуга царя — всего лишь господин, — и это мои земли и мой народ. Нам некуда идти. Мы родились на этой земле; мы обрабатываем эту землю; и мы будем похоронены в тени наших предков — это наш дом. Если я прикажу своему народу оставить всё, что им дорого, и позволю Гугону сжечь их дома и осквернить могилы их отцов, братьев и сыновей, погибших от его руки, тогда они обратятся против меня — и жители деревни, и солдаты. И я не смогу им за это упрекнуть».

Он смотрел сквозь стены, обдумывая, какие еще варианты ему остаются. «Милорд, если у вас так мало людей, зачем вам столько же земли, сколько было, когда вас было много? Возможно, вы могли бы помириться с ним, предложив ему часть земли, которая вам больше не нужна. И, возможно, вы могли бы послать епископа, чтобы он организовал соглашение и освободил Эндору. И без кровопролития...»

«Никто не может торговаться с Хьюгоном. Он желает всех моих земель — и моей головы — и не согласится ни на что меньшее; он вне всякого разума. Более того, епископ бежал, оставив меня лишь с крылатым человеком и кинжалом».

«Беглец? Почему Его Высокопреосвященство бежал?»

Д'Альсикур перевел дух и коротко улыбнулся. Он закатил глаза, сплел пальцы и почти неохотно объяснил: «Ну, потому что я настоял на другом соглашении: таком, которое предполагало бы своего рода неформальную инквизицию, которая, как я понял, могла бы успокоить растущую подозрительность и снять опасения моего народа». Д'Альсикур сурово посмотрел на солдат, прижавшихся к стене, которые кивнули с искренним выражением лица.

Лазарь спросил: «Инквизиция касалась меня — Его Высокопреосвященства и книжника, верно?»

Д'Альсикур кивнул. «Ради моего народа мне нужен был представитель Церкви, который бы провозгласил, что вы не дьявол, а всего лишь летающий человек». Он громко откашлялся. «За время своего слишком долгого пребывания в замке, да еще и под постоянной охраной, он нашел время, чтобы собрать информацию о нашей деликатной позиции. Теперь дело ясно, не так ли?»

Лазарь отвернулся.

Д'Альсикур продолжил: «Тем не менее, он бежал в Авиньон, выразив свои опасения». Он пожал плечами. «У меня не было другого выхода. Я не мог позволить ему приказывать сжечь вас на костре».

Лазарь вздрогнул. «Его Высокопреосвященство хотел сжечь меня? А ведь он обнаружил во мне летающего человека. Только книжник сказал обратное».

«Неважно; они больше не будут вас беспокоить. Вы под моей защитой; и мой народ теперь спокоен, имея среди себя всего лишь летающего христианина». Он повернулся к... Охранники, стоявшие у стены, обратились к ним со словами: «Разве это не так?» Они ответили в один голос: «Да, милорд».

«И все же вы считаете меня дьяволом?» — спросил его Лазарь.

«Это важно, — ответил он, резко повернув шею, — важно лишь то, чтобы ты был в безопасности».

«Если позволите, милорд; это важно для меня».

Д'Альсикур вздохнул и покачал головой. «Хорошо; признаюсь, вначале, когда один из моих солдат передал весть о вашем пленении, я подумал, что вы можете... э-э...»

«Возможно, ты был... дьяволом, захваченным в плен». Он пожал плечами. «Его воспоминания...»

Ваше появление было, мягко говоря, весьма колоритным; он велел мне представить вас, стоящего на целую голову выше самого высокого из моих людей, с чудовищными драконьими крыльями и скалящимися зубами, способными сожрать даже корову. Это были всего лишь слова, лишенные смысла; пустая болтовня, как я впоследствии узнал из вашего недолгого пребывания». Он провел рукой над Лазарем и усмехнулся. «Посмотри на себя. Ты не дьявол — или вообще какой-либо дьявол, — просто летающий человек».

Лазарь склонил голову. «Но если вы приняли меня за дьявола, то почему вы впустили меня в свой дом?»

Они пристально смотрели друг другу в глаза.

Д'Альсикур резко встал, сложил руки за спиной и начал расхаживать по комнате, не смыкая глаз.

Он пристально посмотрел на Лазаря. Затем резко остановился и, развернувшись, повернулся лицом к Лазарю, сказав: «Да; и зачем богобоязненному человеку, подобному мне, навлекать на себя все нечистое, как...»

«Сам дьявол в свой дом?» — улыбнулся он, неторопливо прислонившись к стене, и похвалил Лазаря: «Ты прекрасно владеешь искусством диалога и не оставляешь места для пустой болтовни. Мне кажется, ты можешь превзойти даже епископа в разговорах и разногласиях».

Он перевел дыхание и принял более искреннюю позу. «Тем не менее, для меня это было не таким уж сложным решением, поскольку у меня не было другого выбора, кроме как настоять на аудиенции с тобой. Если ты был дьяволом, как утверждали мои солдаты, то, как я понял, ты мог бы быть вполне готов предложить мне своего рода пакт и, возможно, предоставить мне варианты, недоступные мне».

Лазарь, в голосе которого нарастало беспокойство, спросил: «Что это за... э-э, если угодно ... какой именно договор?»

«Конечно, соглашение, которое спасло бы жизни моего народа — в обмен на мои собственные, разумеется», — признал Д'Альсикур, возвращаясь на свое место напротив Лазаруса.

Лазарь откашлялся и торжественно заявил: «Возможно, дьявол отнимет у вас не только жизнь, милорд. А что же ваша душа?»

Мужчина кивнул. «Да; мою душу в обмен на победу над Хьюгоном и вечную защиту моих земель и народа от таких мясников, как он». Он сложил руки перед собой. и, радостно улыбувшись, сказал: «Однако, по милости Божьей, этому соглашению не суждено было сбыться, поскольку ты не дьявол, а всего лишь крылатый христианин, который также может спасти моих братьев-христиан от мерзкого распространения Хьюгона!» Он потряс кулаками, глядя в потолок, и радостно воскликнул: «Во имя Христа, мои молитвы были услышаны Его божественным даром – летающим человеком, который может избавить нас от дьявола, которым является Хьюгон, и защитить мой добрый народ от его растущего зла! Воистину, Господь творит чудеса!» Он повернулся к своим солдатам. «Разве не так?»

«Да, милорд», — благоговейно ответили они.

Лазарь сжал челюсти и на мгновение закрыл глаза, обдумывая происходящее. «И все же ты настаиваешь, чтобы я отнял жизнь у другого человека».

Д'Альсикур поджал губы и кивнул. «Несмотря на благие и богоугодные намерения...»

«Я так понял, что у вас могут быть сомнения по поводу такого предприятия», — сказал он. Он сунул руку в жилет и достал звенящий кошелек. «Я также готов предложить вам щедрое вознаграждение». Он потряс кошелек. «Тридцать три генуэзских золотых монеты должны развеять ваши опасения, не так ли?» Он ослабил ремешки кошелька и высыпал тяжелые золотые монеты на стол между ними, добавив: «Большинство людей никогда не зарабатывают столько за всю свою жизнь; однако все это ваше по возвращении. Я человек чести, и мое слово честно». Он улыбнулся и наклонился к Лазарю, спросив: «А что вы скажете о пожизненном заработке за всего лишь одну ночь работы?» Д'Альсикур поднял брови и стал ждать ответа Лазаря.

Лазарус настороженно перевел взгляд с опущенного кинжала, острие которого уперлось в столешницу, на груды полублестящего золота, лежащую в длинной тени ножа. Он покачал головой и отвернулся. «Не всё можно обменять, милорд».

Он оглянулся на него и поднял руки, явно недоумевая. «Вы сказали, что готовы отдать свою душу, хотя она вам не принадлежит; а теперь настаиваете, чтобы я отнял жизнь у человека, хотя это не в моей власти». Он опустил руки на колени и вздохнул. «Простите меня, милорд; по здравому смыслу, я не могу сделать то, что вы от меня просите».

Лицо Д'Альсикура помрачнело. Он стиснул зубы, возвращая монеты в кошелек. Он туго затянул лямки, сунул кошелек под жилет, переплел пальцы на столешнице,

и пристально взгляделся в лицо Лазарю . Затем он нарушил короткое молчание, спросив: «Лазарь, слышал ли ты когда-нибудь рассказ о трех пророках и змее?» «Нет», — признался Лазарус.

«Тогда я должен рассказать тебе об этом», — заявил он, удобнее устраиваясь на стуле. Он заглянул через плечо Лазаря, словно вглядываясь в далёкую дали. «Всё произошло вот так...»

«Жили-были три брата, одаренные даром пророка Божьего. Старший был слеп, но обладал острым слухом; он мог слышать любое зло на большом расстоянии. Средний брат обладал исключительным зрением; он мог видеть любую возможность и благодаря этому изменять ход судьбы. А младший брат был человеком немногословным, но обладал необычайным даром говорить, так что мог общаться с ангелами».

Однажды утром два старших брата приготовили прекрасный пир; и с тех пор Младший жил отдельно от них, и они отправились забрать своего брата. В соседней деревне. Когда они шли по единственной проторенной тропе между двумя деревнями, слепой брат остановился и предупредил: «Я слышу присутствие зла на следующем холме — это готовый змей, поджидающий добычу».

Средний брат осмотрел тропинку и ответил: «Да, это так». Однако я вижу извилистую тропу сквозь лес, которая благополучно приведет нас в деревню нашего брата.

Старший пожаловался: «Я не знаю широкого леса так же хорошо, как узкой и прямой тропы. Может быть, нам стоит пройти дальше и убить змею, прежде чем она нападет». Обеспокоенный змеёй, он добавил: «Однако, поскольку я слепой, я подожду здесь, пока вы её убьёте».

Другой, тоже опасаясь змеи, ответил: «Может быть, нам не стоит убивать одно из Божьих созданий, когда Он наделил нас острым чувством, позволяющим избегать её? А поскольку ты слепой, она может ужалить тебя, пока я пытаюсь». Они согласились друг с другом, найдя вескую причину избегать змеи, и проскользнули в лес по пути в деревню.

В тот вечер все три брата вернулись по деревенской тропинке, совершенно обезумевшие от предвкушения праздника и не подозревая о том, что их ждет. Тут же выскочил змей и ударил младшего по пятке. Два старших брата бросились к нему в безопасное место и позаботились о нем под фиговым деревом. После этого каждый обвинил другого в несчастье младшего брата.

Средний брат упрекнул старшего: «Ты знал, что змей идёт по дороге, но, вернувшись, не прислушался! Теперь наш брат поражён!»

Старший брат упрекнул среднего: «А ты знал, что змей...»
Он тоже был на этом пути, раз уж ты отказался убить его, когда я попросил об этом.
«О вас! А теперь наш дорогой брат близок к смерти!»

Затем самый младший закричал на незнакомом языке и заставил мужчин замолчать. Он рассказал им, что с ним говорил ангел, сказав: «Это был Бог». Он поставил змея на путь, чтобы узнать, кто достоин идти этим путем. И поскольку Он благословил братьев ваших... Они обладали острым чутьём, чтобы распознавать зло, но не проявляли ни срочности, ни обязанности его искоренить; Он объявил, что отныне змей станет «Словно дракон под ногами, нападающий на каждого жителя деревни, пока не будет убит».

Услышав это, два брата вскочили на ноги и, гоняясь за змеей по тропинке, расправили кусты, пока наконец не убили её. В качестве доказательства они принесли тушу змеи обратно к фиговому дереву, но обнаружили, что их брат мертв.

Уперевшись локтями в стол и все еще сцепив пальцы, Д'Альсикур внимательно изучал лицо Лазаря, объясняя: «Как и в случае с тремя братьями, их бездействие в борьбе со злом стало тем самым злом, которое убило их брата. И подобно тому, как змей живет только для того, чтобы поражать и отнимать у каждого доброго человека; «Именно так поступает и Югон». Он мягко похлопал по столу. «Послушай меня, Лазарь; только ты можешь приблизиться к змею и убить его. Если ты откажешься, то погибнут сотни добрых мужчин, женщин и детей. И Югон будет продолжать убивать до конца своих дней. Как летающий человек Божий и слуга в Его Добром Воинстве, ты должен осознавать свою Необыкновенный дар и важнейший долг — спасти Свой народ от зла. Понимаешь ли ты меня? Это твой богоугодный долг сегодня.

Лазарус фыркнул и отвернулся, когда Д'Альсикур внезапно попытался успокоить его. «Нет, послушай меня внимательно, Лазарус. Убей этого демона, Югон, и я назначу тебя своим личным правителем замка и земель Гильдарда, предоставив тебе внушительную армию для управления регионом. С этого момента ты ни в чем не будешь нуждаться до конца своих дней. Все это я дам тебе за то, что ты легко сможешь сделать за столь короткое время. Мое слово будет иметь силу до тех пор, пока мы оба будем живы, пока ты будешь служить мне».

— И всё же ты просишь меня убить, — вмешался Лазарус, всё ещё глядя на кинжал. — Возможно, есть...

«Другой способ — справедливое и подходящее соглашение между вами двумя?» — Он наклонился вперед, настаивая: «Я не могу лишиться этого человека жизни, лорд Д'Альсикур, я просто не могу». Дворянин ударил кулаком по столу. Нож упал на бок. «Ради Бога!» — воскликнул он, поднимаясь. — «Есть ли у вас хоть какое-то чувство долга или сострадания к своим ближним-христианам?»

Лазарь смиренно опустил взгляд в ответ: «Если угодно Тебе, господин мой, то в заповедях Моисея тяжким грехом считается отнимать жизнь у другого человека. Также написано: Не бойтесь тех, кто может убить тело, но не душу. Бойтесь только того, что может погубить и то, и другое. Как же мне проявить долг или сострадание к ближнему и убить его? «Как я могу служить Богу и отрицать Его власть?»

Д'Альсикур повернулся к своим стражникам, поднял руки и опустил их. Он уставился на них, явно ошеломленный. «Что это за знак — что меня, возможно, мучает проклятие?» — пожал он руку Лазарю, жалуясь им. — «Он прямо здесь, в моем собственном замке, — само воплощение его зла. Эта единственная пара крыльев может остановить демона, Югона, когда вся моя армия не может. Как мне повезло найти летающего человека, чтобы узнать, что рвение его веры делает его бесплодным перед лицом Зла?» Он посмотрел на потолок. «Боже мой, я уже потерял столько хороших людей!»

«Неужели это должно быть испытанием для Иова?» — недоверчиво спросил он своих солдат. — «Может ли быть что-нибудь более злое предзнаменование для народа, чем это?»

Солдаты опустили взгляды.

Д'Альсикур хлопнул ладонями по столу и, ворча, наклонился к Лазарю: «Хорошо. Из-за тебя я уже потерял много боеспособных солдат, много еды и припасов, а также драгоценное время. А с учетом неизбежного нападения Югона я не мог позволить себе потерять ни одного из них!»

Д'Альсикур спокойно продолжил: «Однако, поскольку эти потери являются результатом моих собственных решений, у меня нет иного выбора, кроме как принять их. В конце концов, я не могу по праву пренебрегать вашей добротой, несмотря на собственную волю; однако это решение, несомненно, ляжет на вашу голову, поскольку оно принесет верную и ужасную смерть сотням христиан, в основном женщинам, детям и старикам». Затем он обвиняюще погрозил пальцем Лазарю. «И пусть история навсегда запомнит, что один-единственный и эгоистичный летающий человек — Лазарь Гогу — убил их всех своим могучим мечом самоправедности!» Он схватил кинжал со стола и вложил его в ножны, добавив с презрительным взглядом: «Меч такой длины — такого калибра — что его не нужно размахивать, даже чтобы убить тысячи!» Он отвернулся и бросился к двери, крича снаружи: «Страж!»

Дверь внезапно распахнулась, и лорд Д'Альсикур со своими солдатами покинули комнату, оставив Лазаря размышлять о возможных обязательствах и последующих ожиданиях.

может сопровождать любого предписанного христианского летчика.

~*~

За крепостными стенами с востока сгущалась ночная мгла, и засушливое солнце бросало свои последние лучи, отмечая еще один вечер после пленения Лазаря. По небу первые сумеречные звезды пробивались сквозь тонкие облака и их багряное покрывало. на закате. И над землей длинных теней и сонных лощин — к западу от замка Д'Альсикура, всего в нескольких лигах от тусклых полей и смолистых лесов — выстроилась готовая армия, насчитывающая, возможно, три тысячи всадников и пехотинцев. Скальное дно извилистого ущелья. Во главе извилистой колонны в седле сидел высокий рыцарь. Подняв забрало шлема, он поправлял доспехи на кулаках и предплечьях — это был Югон из Борбонезе. Его сопровождали два конных рыцаря.

Слева от Хьюгона рыцарь указал вверх по ущелью, в сторону изгиба. «Милорд, он вернулся».

Хьюгон обратил внимание на приближающегося разведчика, который направил своего коня вниз по крутому склону и спустился на дно оврага. Затем он рванулся в галоп, а Хьюгон вслух удивился: «А дьявол д'Альсикура не убил мальчика?» Он бросил пристальный взгляд на своих двух рыцарей. «Это либо добрый знак, либо великое зло, искусно замаскированное». Он внимательно осмотрел поспешно приближающегося разведчика и предупредил своих людей: «Он что-то несёт при себе; будьте готовы». Двое солдат сжали мечи и наблюдали за приближением юноши. Разведчик держал в одной руке сверток из ткани, крепко прижимая его к ребру.

Солдат справа от Хьюгона предположил: «Возможно, он ранен?»

Хьюгон покачал головой. «Он сидит слишком прямо для такой раны; и его конь скачет уверенно». «Будьте готовы к обману или к завесе самого дьявола». Когда разведчик двинулся вперед, два рыцаря опустили забрала и вытащили мечи. Хьюгон сидел неподвижно. Разведчик сбавил скорость, его конь сильно дул.

Хьюгон объяснил свою задержку: «Замок находится не в Английском королевстве, мальчик». «Простите меня, милорд, — сказал запыхавшийся разведчик. — Слуга был пожилым и опоздал. Ему предстояло долго идти от замка до опушки леса». «Ну, выкладывай; что скажет слуга?»

Разведчик подвел своего коня ближе к Хьюгону, наклонился вперед, перевел дух и прошептал: «Ваш астролог правдив в своих видениях, милорд. Воистину, лорд д'Альсикур поймал крылатого дьявола. Он заботится о нем под усиленной охраной в одной из нижних камер коридора, приветствуя его как почетного гостя. Кроме того, епископ...»

Епископ издал официальный указ по распоряжению Святого Престола, утверждая, что это был христианский летающий человек; однако епископ с тех пор исчез. Слуга также дал слово, сказав: «Если вы нападете на замок достаточно скоро, то оборона лорда д'Альсикура не будет готова». Мальчик кивнул. «Я верю, что он говорит правду, милорд. Я не видел, чтобы замок был под усиленной охраной. Кроме того, крестьяне остаются в деревне и не проявляют никакого беспокойства». И я не видел никаких патрулей вдоль опушки леса или за ней — ничего, кроме зайца в лесу.

Хьюгон кивнул в сторону пакета в руке разведчика. «Значит, ты поймал для меня зайца?»

«О! Нет, милорд», — возразил разведчик, передавая Хьюгону пакет. «Я не зря остановился. Это подарок от слуги, который рад вашему прибытию. Это знак его благодарности и верности. Он позаботился о том, чтобы в пакете было достаточно и для вас, и для остальных; и сказал, что приготовил для вас и ваших людей пир».

Хьюгон взвесил пакет в руке, прежде чем развернуть ткань и увидеть слои нарезанной свинины. Он понюхал мясо, кивнул и спросил разведчика: «Отличный кусок еды».

«Перед битвой; что вы думаете по этому поводу?»

«О, да, милорд; как я понимаю, неплохое блюдо», — с улыбкой подтвердил юноша, — «И приготовленное на кухне вашего врага». Он посмотрел на двух рыцарей Хьюгона в поисках признаков взаимного веселья, но увидел лишь суровые взгляды. Они убрали мечи.

Хьюгон ответил мальчику: «В точности, как ты и сказал — еда от моего врага». Он сложил ткань и бросил пакет обратно. «Наедайся досыта».

Мальчик тяжело сглотнул. «Милорд?»

«Вы знаете этого добропорядочного слугу лучше, чем кто-либо из присутствующих, поскольку видели его, разговаривали с ним и смотрели ему прямо в глаза. Разве вы не убедились в его добросовестности?»

«Да, но он сказал мне, что этот подарок предназначался специально для тебя — что я не ем мясо по пути».

«Однако ты не на верном пути, раз теперь ты здесь со мной. И он сказал, что всего хватит и другим, не так ли?»

«Да, милорд».

«Тогда предлагаю вам мясо и сытный обед перед битвой. Ешьте!»

Рыцарь справа от Хьюгона посетовал: «Он всего лишь мальчик, милорд. Он исполняет все ваши приказы».

Солдат слева от Хьюгона возражает другому: «Если бы он подчинялся каждому приказу моего лорда, то мальчик сейчас бы жевал мясо, не так ли?»

«В самом деле, — согласился Хьюгон. — Наешься мяса, мальчик! Наешься досыта».

Рыцарь справа от него закатил глаза и отвернулся; рыцарь слева же рассмеялся и чмокнул губами в сторону разведчика. Молодой человек развернул ткань и с жадностью принялся за чтение.

предложение.

Хьюгон обернулся, чтобы взглянуть через плечо, заметив последние лучи заходящего солнца. «С Христос, Его Святейшество, и мой добрый астролог со своей лунной пластиной – Судьба на нашей стороне. Он повернулся к своим рыцарям. «И когда земли д'Альсикура объединятся под моим знаменем, оба региона станут единой великой провинцией, призванной служить воле Божьей как готовая и непоколебимая сила в защите Франции Его Величеством». Югон направил своего коня навстречу закату, осмотрел свою армию и отдал приказы рыцарям. Справа от него. «Я хочу, чтобы вы убедились, что повозки с боеприпасами надежно закреплены для быстрого продвижения. Я ожидаю, что ваши люди займут линию осадных повозок до того, как лучники Д'Альсикура окажутся на вершине крепостных стен. В тот же момент вы должны установить тараны». Затем он отдал приказ рыцарю слева от себя: «И прикажи своим людям очистить деревню и оттеснить крестьян к замку, удерживая их на расстоянии выстрелов лучников д'Альсикура, в то время как часть твоих сильнейших солдат подкрепит таран ворот. А теперь передай рядам, что мы продвигаемся вперед».

После того как два капитана Хьюгона рванули с места, он развернул коня и стал наблюдать за разведчиком, который с трудом ел мясо. Он щелкнул пальцами и помахал рукой, и Молодой человек выполнил его просьбу, сложил ткань и отдал сверток. Хьюгон сунул сверток в сумку на седле и отпустил солдата. «Вставай в строй, парень». Разведчик натянул поводья и оттолкнул коня.

Оставшись один, но с войском за спиной, Югон посмотрел на темное восточное небо и пробормотал про себя: «Злые дела не остаются безнаказанными, д'Альсикур. Пусть в твоей среде и есть дьявол, но я отрублю тебе голову, как Бог отрубил тебе душу». Он наклонился над своим конем, высморкался и снова устроился в седле. Так, между заросшими корнями стенами сухого русла реки, войско лорда Югона готовилось к движению. Звери фыркали, солдаты выкрикивали приказы, а непрерывный звон доспехов и оружия сопровождался постоянным стрекотанием вечерних насекомых.

~*~

Подобно пауку, плетущемуся над своей вечерней добычей, Время свернуло умирающее небо в кокон тьмы, чтобы затем развернуть преображенные небеса в сиянии еще одного рассвета. С восходом красного солнца оно растворило каждую длинную и затяжную тень, смягчая острые углы слабо защищенных крепостных стен замка Д'Альсикур. А в недрах замка...

Каменная крепость, запертая за примитивной дверью, служила Лазарю видным гостем и охраняемым узником.

Эльджо подошел к углу комнаты, где, как ему показалось, лежала мертвая крыса. Он присел на корточки, провел пальцем по каменным плитам и понюхал их, обнаружив лишь слабые следы пыли и вина. Он встал, недоумевая, и обыскал другие углы комнаты, предполагая, что, возможно, неосознанно заметил тушу где-то еще; однако и они были пусты. Он сжал челюсти и задумался над этим странным воспоминанием. Само по себе представление о мертвой крысе его не сильно беспокоило. Лазаря по-настоящему тревожило то, что он впервые обнаружил, что его воспоминание о реальности теперь противоречит Истине. Все свои дни в катакомбах аббатства он всегда воспринимал и чувствовал вещи такими, какие они есть. Если он слышал шум, то звук был реальным и имел четкое происхождение. Если он видел движение краем глаза, то это действительно было изменение света и тени, создававшее образ движения. Если он чувствовал присутствие Добра или Зла, то рядом всегда находилась статья или последующее откровение, подтверждающее это ощущение. И поскольку его воспоминания никогда прежде его не подводили, что смело подтверждалось его способностью запоминать каждое слово каждого тома, целого скриптория...»

Он тяжело вздохнул и направился к столу, отбросив загадку мертвой крысы, и откинул волосы назад.

Он прислушался к грубой двери, услышав снаружи новые звуки. Наконец, звуки Защелка металлической двери предшествовала входу той же прачки, на руке которой теперь висела черная тряпка.

Лазарь улыбнулся, но она не ответила ему тем же приветливым выражением лица. Вместо этого она развернула ткань и подняла ее, чтобы показать черную рубашку, сшитую специально для него. «В чем бы ни была эта, эта подойдет тебе лучше». Она бросила на него взгляд и добавила: «Эта...» «Белая рубашка испорчена винным пятном». Она шагнула вперед, подняла рубашку на руки и расстегнула ее для него. «Пойдем?»

«О, да», — ответил Лазарь, отступая назад в рубашку, пока она его одевала. Он предложил: «Возможно, я почищу другую рубашку — я уже много раз чистил одежды, испачканные вином». «А какого цвета были эти одежды?» — самодовольно спросила она.

«Оттенки коричневого; в основном, так и было».

«Именно; они не были белыми. Белый цвет не прощает ошибок. Теперь ты можешь носить черное — с головы до ног — чтобы тебя больше не беспокоили пятна вина или порока, неуклюжести или другого разврата, который тебя оскверняет». Она плотно облегла его крылья рубашкой, повернула его и принялась застегивать блузку. Она не предложила ему больше ничего и не отрывала глаз от рук. Лазарь снова и снова смотрел ей в губы.

суетятся, нажимая на каждую новую пуговицу, как это свойственно людям, когда с возрастом пальцы становятся менее ловкими.

Мрачный Лазарь отвернулся. «Простите за мою глупость; я не хотел испачкать рубашку».

«О, дело не в пятне», — поспешно заметила она. — «Это пустяк».

«Тогда что же вас беспокоит?»

«Ничего, говорю я. И вам не стоит беспокоиться о такой старой и глупой вдове, как я. А теперь дайте мне свою руку».

Лазарь протянул руку, пока она поправляла ему манжету. Он спросил: «Скажите, пожалуйста, как я вас обидел? Могу ли я исправить свою ошибку?»

Женщина насмешливо рассмеялась и закатила глаза, лишь слегка поправив вторую манжету.

Лазарь нежно положил свою руку поверх её и замер. На мгновение, когда их встретившись взглядом, Лазарус увидел боль в её глазах. Она резко отдернула руки, отступила назад и скрестила руки. «У вас нет на это права, господин Лазарус».

Лазарус заявил: «Я не понимаю. Если дело не в рубашке, то что же я наделал?»

Она покачала головой и прищурилась, глядя на него. «Вы ничего не сделали, и всё так, как должно быть для вас. Конечно, мне не подобает вмешиваться в ваши дела». Она коротко протянула руку, протягивая его, и продолжила: «Вы приняли ванну, как знатный человек, побывали на королевском пиру, и теперь надели лучшие одежды. Более того, вы вежливы во всех отношениях и глубоко убеждены в том, что считаете правильным и неправильным — качество, которое, несомненно, сослужит вам хорошую службу. Кроме того, вы обладаете прекрасным здоровьем и проживёте долгую и насыщенную жизнь, ничем не связанную, кроме себя и Бога. И со всеми вашими достоинствами и благословениями, вам теперь посчастливилось знать, что мой господин намерен освободить вас, чтобы вы могли улететь далеко отсюда и забыть об этом беспокойном месте».

Лазарь мгновенно озарился радостью. «Он согласился меня освободить?»

Она торжественно кивнула и сказала: «В этом он и состоит. Мой лорд — человек с добрым и отзывчивым сердцем, даже к тем, кому, возможно, не хватает его добродетелей».

Лазарус перестал улыбаться. «Я лишь хочу ... то, о чём он меня просил... возможно, вы не знаете...»

«Я знаю всё, господин Лазарь, — даже больше, чем вы можете предположить».

"Ой?"

Она фыркнула, уперла руки в бока и энергично покачала головой, произнося эти слова.

«Да, конечно. Я служила личной горничной у господина Д'Альсикура и его...»

Дети, большую часть своей жизни я знаю. Я в курсе всего происходящего, даже когда оно разворачивается. Таким образом, я знаю, что он оказал вам такую любезность, какой не подобает ни одному высокопоставленному гостю, которого он когда-либо принимал в своем доме. Я знаю это, даже сапоги... Твои ноги принадлежали его отцу; и блузка, которую ты сейчас надела, принадлежит ему. И я знаю, что даже при нехватке еды он настаивал на том, чтобы ты насладилась пиром, который он никогда не устраивал для себя сам — банкетом, достойным не кого иного, как Его Величества, короля Франции. И сегодня, я теперь знаю, когда я умолял о встрече с ним, настаивая на том, чтобы он открыл двери покоев, ты не спасешь нас от Югона из-за ваши собственные убеждения.

Он открыл рот, чтобы заговорить, но она перебила его: «Мастер Лазарус, сегодня я видела то, что видела лишь однажды за все свои годы — незабываемое выражение боли, которое я видела в тот день, когда мой лорд узнал, что его любимая леди д'Альсикур и ее братья были зверски убиты рукой Югона в замке Гильдарда. Хотите узнать, что я видела, мастер Лазарус?»

Лазарь начал: «Что ты...»

«Я держала его на руках, пока он плакал... плакал, — выплонула она, — как маленький мальчик!» Ее глаза наполнились слезами, но она сдержалась и продолжила: «Но видите ли, он плакал не из-за себя. Нет, нет — я знаю его сердце. Он плакал из-за нас — из-за всех нас, кого он не может защитить. Он знает, что Хьюгон сделает с нами, и чувствует себя бессильным это предотвратить».

Затем она, споткнувшись, дошла до стола и упала на скамью, закрыв лицо руками.

Она разрыдалась и разрыдалась, ее хлынули сдавленные слезы.

Лазарь стоял над ней, чувствуя себя совершенно беспомощным. Он повернулся и посмотрел на дверь, возможно, надеясь, что ее крики услышат другие, которые смогут ее утешить. Но дверь так и не открылась, чтобы услышать стоны женщины. Он сжал челюсти и оглядел стены, словно пытаясь найти на них написанное место, подходящие слова, чтобы утешить ее, избавить от боли и успокоить бешено бьющееся сердце. Казалось, ее крики исходили из его собственной подавленной боли — словно она плакала обо всех, включая его самого. И с каждым ее новым всплеском горя он чувствовал, как нож все глубже вонзается ему в грудь, разъедая саму его сущность. Внутри него бушевали эмоции; боль, гнев и горе, казалось, поднимались из какого-то глубокого и разорванного сосуда. Лазарь посмотрел на скорбящую женщину, закрывшую лицо руками. И следующая слеза, которую он искал, скатилась не по ее руке, а по его собственной. Сначала потекли слезы. И казалось, что дождь начался повсюду — даже в Эдеме. Лазарь прикусил губу и заплакал по погибшей семье женщины, потому что они не могли плакать по ней. Они сами. Он плакал за Д'Альсикура и его народ, потому что у них было мало надежды на спасение от Югона. И он плакал за себя, потому что не был готов стать кем-то большим, чем просто отцом, и спасти сотни людей от зла.

Внутри него убеждения сменились мукой и гневом...»

Он с силой ударил руками по столу, напугав женщину и заставив её замолчать.

«Господин Лазарь, прости меня», — взмолилась женщина, придя в себя.

Лазарь поспешно вытер лицо и глубоко вздохнул. «Я исполню его повеление. Если ты пожелаешь, прошу». «Еще одна аудиенция у лорда д'Альсикура».

«О, Боже мой, ты спасёшь нас?» Женщина резко встала и с такой радостью бросилась на Лазаря, что чуть не сбила его с ног.

Затем она отпустила его и вытерла ему щеку. С широкой улыбкой она сообщила: «Я сейчас же приведу своего господина! Он будет вне себя от радости!» Она заставила себя отвернуться, прежде чем схватить его за руку. «О! Вам что-нибудь еще нужно, господин Лазарус?»

Однако Лазарь не ответил и даже не обратил на неё внимания. Он пристально смотрел на грубую дверь, погруженный в молчание.

Женщина проследила за его взглядом до двери. «Учитель Лазарь?» Она повернулась к нему.

«Что входит в комплект?»

Лазарь оторвал взгляд от входа. «Что означают эти два рога?»

Она оглянулась на дверь в поисках хоть какого-то подобия рогов. «Там нет рогов, господин...»

В нижних коридорах замка раздался отдаленный звук трубы, и Лазарь, указав на дверь, добавил: «А теперь третья, пока мужчины кричат».

Она прикрыла рот рукой. Женщина просто смотрела на Лазаря, изливая всю свою душу глазами; и он видел в её ужасе предчувствие неминуемой гибели. Он наблюдал за ней. Цвет лица был бледным, как его прежняя рубашка — таким же белым, как, возможно, бесформенное воплощение призрака. Она стояла перед ним, словно умирая внутри. Неизменным остался лишь цвет ее глаз: белки потемнели до багрового оттенка и наполнились слезами.

«Что произойдет?» — спросил он.

И прежде чем он успел ее успокоить, она бросилась к двери и начала стучать в нее. «Открой! Открой дверь!»

По мере приближения к женщине Лазарус услышал шорох стражников. «Что случилось?»

«Это Хьюгон!» — воскликнула она, пиная дверь. «Стража, немедленно откройте эту дверь!»

Лазарь встал рядом с ней, и под его сильным ударом кулака дверь задрожала, ударяясь о дверной косяк.

Дверь распахнулась, и перед нами предстала целая толпа готовых к бою солдат. Лазарь узнал их.

свинцовый — гигантский солдат, весь покрытый рыжими волосами.

«Слава Богу!» — тяжело вздохнула женщина. Она схватила Лазаря. «Иди сюда, поспеши!» Она наклонилась к его уху и яростно прошептала: «С твоими крыльями ты, возможно, найдешь способ сбежать через самое верхнее окно замка. Я могу отвести тебя туда». Рыжеволосый солдат шагнул вперед и втиснулся между ними. Он отдернул руку женщины от Лазаря, сообщив ей: «Летающий остается; ты уходи». Он позвал двух стражников. «Сопроводите женщину во внутреннюю крепость. Она должна позаботиться о раненых».

«Подождите! Нет!» — запротестовала она, вырываясь из хватки двух охранников. «Он не может оставаться здесь — уберите от меня руки!» Они потащили ее к двери, а она, сопротивляясь, кричала: «Он согласился убить Хьюгона! Отпустите его — оставьте меня в покое!»

Красный великан сдерживал Лазаря, крепко прижимая руку к его груди и крича сквозь вопли женщины: «Он не может остаться без защиты!» Он прорычал её сопровождающим: «Прочь!» «С ней!» — воскликнул он, вытащив кинжал на Лазаря и проворчав: «И с тобой тоже прочь!» Лазарус отступил вглубь комнаты, а здоровенный мужчина, направляясь к входу, рявкнул через плечо: «Мы закрываем летающего человека внутри и будем держать эту дверь». Когда эхо криков женщины затерялось в далеком потоке перекрывающихся воплей, Лазарь прислонился к столу и наблюдал, как рыжеволосый мужчина выводит своих солдат из комнаты. И прежде чем мужчина окончательно закрыл дверь, он выглянул сквозь узкую щель. В начале он спрашивает Лазаря: «Ты согласился убить Гугона?» Лазарь сжал челюсти и кивнул.

Взгляд мужчины опустился на сапоги Лазаря, когда он признался: «Хугон выдаёт себя за благочестивого человека, а мы видим его зверство. А ты выглядишь как дьявол; и всё же ты готов убить этого зверя ради нас». Он покачал головой. «Если ангелы Божьи с нами сегодня, я молю о надежде, что они лучше всех знают, кого следует пощадить». Он тяжело вздохнул и кивнул. «Если бы решение было за мной, я бы отдал тебе свой клинок и отпустил бы тебя». Затем он пожал плечами. «Но кто я такой — чтобы по собственной воле схватить или освободить тебя? Мои руки связаны. Я всего лишь человек с мечом». Солдат отпустил Лазаря и запер его за грубой дверью, оставив Эльджо вспоминать ужасную участь Нарамсина — погребенного заживо и, несомненно, обреченного на гибель за то, кем он был. Лазарь скрестил руки на столе и размышлял о пережитом им ужасном испытании, одновременно гадая, что же на самом деле могло стать причиной и средством его воскресения. «Возможно, — подумал он, — бедняк во Христе также размышлял о своем месте в мире в эти последние дни своей жизни».

Он смотрел на отполированное латунное основание канделябра, в котором отражалось его собственное отражение.

Он оглянулся на него. Он наклонился ближе к искаженному отражению самого себя и внимательно рассмотрел его гротескные черты. Словно лживые зеркала преданий, блестящая поверхность представляла собой новое изображение его самого, со всеми гранями поразительно красивого мужчины — ни следа больших ушей, собачьих зубов или знакомых черт того Эльджо, которым он был на самом деле. «Посмотри на меня теперь, отец, — сказал Лазарь со слабой усмешкой, — я сотворен заново по твоему образу и подобию».

Он сухо усмехнулся, хлопнул рукой по столу и крикнул в сторону двери и её стражников: «Теперь я исправлен!» «Смотрите», — саркастически воскликнул он, указывая на канделябр. «Я такой же, как вы; так что можете меня освободить — я больше не летающий человек!» Он притворился, что смеется, и ждал ответа. Капли пота стекали по щеке. Но он слышал только голоса и звуки солдат, готовящихся к обороне. Фальшивая улыбка Лазаря исчезла.

Снаружи солдат рявкнул: «Мы будем держать эту дверь ценой своей жизни!» Лазарь возразил солдату, рявкнув: «Тогда держитесь, но держитесь открыто!» чтобы я мог освободиться!» Солдат, казалось, игнорировал его, возможно, продолжая подготовку к бою. Лазарь пожаловался лживому зеркалу: «Они хотят защитить меня, лишив меня средств для спасения?» Он отстранился от своего искаженного отражения, вздохнул и вытер слезы. Линия пота на его лбу.

«Барабан-бараба-бараба...» — Издалека раздался звук медленного и размеренного удара. Это был глубокий и резонирующий звук — шум мог бы напоминать мощное и неумолимое сердцебиение всего мира, его непрерывные отголоски сотрясали каждую каменную поверхность комнаты. Лазарь сидел, как статуя, глядя на вихревое пламя канделябра; его уши насторожились, и, прислушиваясь к далеким, но нарастающим крикам и воплям, полным убийств и хаоса, казалось, что в замке разгорается битва. По мере того как шум смерти приближался к нему все ближе, так что некогда неразборчивые крики людей превращались в слышимые слова, отчетливые имена и призывы к оружию решительных воинов, Лазарь мог лишь сидеть, слушать, размышлять и гадать о своей судьбе под рукой Гугона. «Отец, — размышлял он вслух, — со дня твоей смерти — вне всякого...»

«Независимо от того, фолиант это или рукопись, разве что потрепанная и изорванная карта мира — возможно, за такое короткое время я собрал больше информации об этом порочном месте, чем любое аббатство могло бы по-настоящему раскрыть». Он пал в пламени. Слеза скатилась по его щеке.

~*~

Люди Югона неизменно захватывали охрану у дверей Д'Альсикура, заменяя её новой группировкой. Лазарь слышал всё это — даже последние слова искреннего человека.

молитва, когда лучники Хьюгона разгромили весь строй на месте. Он слышал, как раненые солдаты умоляли людей Хьюгона, прежде чем их слова оборвались воем или Стон. Он слышал голоса приказчиков, распорядивших убрать тела и взять дверь под контроль. Он слышал тревогу в разговорах вновь сменённых охранников, которые шептались между собой о летающих демонах, ужасных чудовищах, Великой чуме, дурных предзнаменованиях, откровениях зла и других услышанных пророчествах. И действительно, Лазарь слышал всё это — и ему было достаточно.

Он пристально смотрел на канделябр. Одна за другой свечи гасли и догорали. И под светом последнего горящего фитиля он увидел совершенно иное, гротескное отражение самого себя. В новых изгибах и углах латунного основания светильника, под новым углом, он увидел чудовищного человека с высокими ушами и вытянутым лицом, которое могло напоминать выступающую и чрезмерно выраженную собачью морду. Он сжал челюсти, отбросил это искаженное изображение и обратил внимание на дверь, откуда все еще слышал шепот и размышления охранников о нем.

Он встал из-за стола, схватил канделябр и швырнул его в грубую дверь; осколки с грохотом разлетелись по полу. «Я не летающий дьявол! Я не чудовище! Я ...»

Он перевел дыхание, вырвался вперед и, крича, забил кулаком в дверь: «Кто же настоящий монстр, если не тот, кто убивает своего брата? И за что? Чтобы охранять ту же дверь, что и его брат до него, — и держать меня здесь, когда я никогда не убивал? Нет, вы — монстры! Вы — дьяволы! Вы — чума всего сущего!»

«Правильно и хорошо! Ты — чума!»

От охранников его отделяли лишь несколько сантиметров дерева; однако он не услышал ответа — даже звука шагов или ровного дыхания. Он отвернулся и собрался с мыслями. Тяжёлый вздох.

Ощущение всепоглощающего покоя смирило Лазаря; он спокойно обошел стол, направился к соломенной постели и, ворча, сказал: «Возможно, я и есть то, что о мне говорят». Он упал на колени на соломенный матрас и задумался о судьбе Нарамсина. «Мир принадлежит им. Нет места для летающего...»

Лазарь упал на живот и искал лишь свой мир снов, надеясь никогда не проснуться и никогда больше не столкнуться с кошмаром, который он привык считать миром людей. Он действительно жаждал места тьмы и глубокой тени, где даже дни были бы подобны ночам. Он ничего не желал, разве что чего-то сродни...

Царство Пустоты, где всё — ничто. Это был тот захламлённый чердак Творения, где собирались все менее удачливые и отверженные существа; словно прихлопнутая муха, пойманная в сеть рыба, зарезанный ягнёнок и, возможно, даже — летающие чудовища.

[Конец главы 15]

Это литературное произведение было создано исключительно в память о...

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~